10. Иванов Е. Е. О «паремиологическом минимуме» и «основном паремиологическом фонде» русского языка // *Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich*. 2002. Т. VIII. S. 87–93.

11. Иванов Е. Е. «Основной паремиологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремиологическим минимумом» // *Мир русского слова и русское слово в мире* : в 7 т. София : Heron Press, 2007. Т. 2. С. 152–156.

12. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // *Мир русского слова*. 2010. № 3. С. 6–20.

13. Иванов Е. Е. Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд // *Паремиология в дискурсе*. М. : URSS : Ленанд, 2015. С. 48–66.

14. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.

15. Словарь русских пословиц / под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ, 2007.

16. Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Д. Балакова [и др.]. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2014.

17. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // *Мир русского слова*. 2010. № 3. С. 6–20.

18. Āurĉo P. Paremiologické optimum slovenĉiny // *Frazeologia a jazykowe obrazy ŗwiata przełomu wieków*. Opole: Uniwersytet Opolski, 2007. S. 171–177.

19. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столѣтій. Вып. 1 (I-II) / собрал П. К. Симони. СПб., 1899.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ КАК ОБОБЩЕННОЕ ИМЯ РАЗНЫХ СКАЗОЧНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

В. И. Коваль

*Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
ул. Советская, 104, 246028, г. Гомель, Беларусь, vlad-kov@mail.ru*

В статье на основе анализа аутентичных фольклорных текстов, представленных в сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», выявляются различные типы сказочных героев, имеющих общее для них имя – *Иван-царевич*. Определяются основные психотипы сказочного героя: смелый воин и мужественный змеборец; Иван-царевич в окружении чудесных помощников; Иван-царевич, вызывающий сочувственное отношение; Иван-царевич как персонаж «сказок для взрослых». Устанавливается, что в различных сказочных текстах Иван-царевич обладает набором различных – как положительных, так и отрицательных – качеств. Делается вывод о том, что «разнохарактерность» образа Ивана-царевича служит проявлением в поступках младшего царского сына его противоречивого, «земного», понятного людям статуса. Определяется круг опорных слов и словосочетаний, которые используются для создания разных образов популярного героя сказок.

Ключевые слова: Иван-царевич; сказочный текст; герой-змеборец; чудесные помощники; предательство; обман.

Сказочный антропоним *Иван-царевич*, являющийся «феноменом русской культуры» [1, с. 42], устойчиво соотносится в нашей культурной па-

мяти прежде всего с мультфильмом «Царевна-лягушка» (сценарий М. Вольпина, 1954 г.), в котором этот персонаж вначале вызывает сочувствие (в жены ему достается лягушка, из-за чего он становится объектом насмешек старших братьев), потом – осуждение (он совершает опрометчивый поступок, сжигая лягушачью кожу), но в дальнейшем – лишь одобрение и восторг, поскольку Иван-царевич совершает множество благородных поступков и мужественных подвигов, побеждая Кощея и освобождая Василису Прекрасную. Идеализация этого образа опирается на его архетипический характер: «Иван Царевич – мифологизированный архетип главного героя русских народных сказок. Его деяния – образец достижения наивысшего успеха, что очевидно уже из самой семантики данного архетипа: *Иван* – обычный человек, *Царевич* – наивысший (после Царя) социальный статус» [2, с. 42]. Эти в целом позитивные представления об Иване-царевиче дополняются классической картиной В. М. Васнецова «Иван-царевич на Сером Волке» (1899 г.), где герой изображен в богатой царской одежде, сидящий верхом на волке и держащий в объятиях Елену Прекрасную.

Вместе с тем названные «культурные стимулы» дают основание предположить, что перед нами все же не один и тот же, а несколько разные типы одного и того же сказочного героя. Обращение к наиболее авторитетному собранию аутентичных сказок – сборнику А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» – позволяет выявить и дать краткую характеристику различным типам персонажей, носящих имя *Иван-царевич* и представленных набором разных языковых средств.

1. Иван-царевич – смелый воин и мужественный змееборец – в ряде сказочных сюжетов является воплощением сугубо мужских, рыцарских качеств: преодолевая множество препятствий и постоянно рискуя своей жизнью, он освобождает мать, царевну и царицу. Так, в сказке «Кощей Бессмертный» [3, с. 285–288] Иван-царевич отправляется на поиски матери, которую унес Кощей Бессмертный. После серии опасных испытаний герой убивает Кощея и вместе с матерью и освобожденной царской дочерью – своей невестой – отправляется домой.

В зачине сказки «Три царства – медное, серебряное и золотое» [3, с. 189–195] Иван-царевич вместе с двумя старшими братьями отправляется на поиски матери – царицы Настасьи золотой косы, которую унес демонический Вихрь. Проявляя смелость, находчивость и самоотверженность, герой последовательно проходит три царства – медное, серебряное и золотое, где живут царица Елена Прекрасная и ее сестры, сражается с Вихрем и побеждает его, освобождая мать – царицу Настасью и вступая в брак с Еленой Прекрасной. При этом Иван-царевич проявляет великодушие по отношению к предавшим его старшим братьям: «Царь хотел

было старших сынов расказнить за их неправду, да *Иван-царевич упросил, и вышло им прощение*» [3, с. 195] (здесь и далее курсив мой. – В. К.).

В сказке «Марья Моревна» [5, с. 300–305] Иван-царевич сражается с Кощеем как с соперником, похитившим не его невесту, а молодую жену Марью Моревну – богатырку, способную победить в одиночку огромную вражескую рать. Отношения между ними развиваются по неожиданному сценарию: Марья Моревна сразу предлагает Ивану-царевичу отдохнуть у нее еще до свадьбы: «Коли дело не к спеху, *погости у меня в шатрах* <...> Иван-царевич тому и рад, *две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне* и женился на ней» [3, с. 301]. В дальнейшем отношения между молодыми супругами получают еще более неожиданное развитие, заключающееся в кардинальной смене гендерных стереотипов: «Пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича всё хозяйство и приказывает...» [3, с. 301]. Однако Иван-царевич, оставленный женой «на хозяйстве», совершает опрометчивый поступок, из-за чего на свободе оказывается Кощей Бессмертный, который похищает саму отважную воительницу. Сказочный герой отправляется на ее поиски и после долгих приключений расправляется с Кощеем, возвращаясь в свое царство вместе с Марьей Моревной.

2. Иван-царевич и его чудесные помощники. В сказках этого типа Иван-царевич в значительной степени утрачивает героический ореол рыцаря-змеборца: он не только пассивен, но и нередко совершает спонтанные, ошибочные поступки, хотя и проявляет доброту и сочувствие к другим людям. Одновременно на стороне Ивана-царевича активно действуют чудесные помощники, обладающие именно теми качествами, которых недостает сказочному герою в критических ситуациях. Так, в сказке «Кощей Бессмертный» [3, с. 295–300] Иван-царевич отправляется искать свою невесту Василису Кирбитьевну и во время странствий из жалости выручает человека, которого жестоко избивают на площади. Спасенным оказывается Булат-молодец, который, несмотря на явную оплошность Ивана-царевича (он заснул в карауле, из-за чего Кощей похитил Василису Кирбитьевну), не только помогает ему найти невесту, но и, проявляя хитрость и огромную физическую силу, убивает Кощея. По пути домой Булат-молодец узнает о предстоящих кознях сестер убитого Кощея, спасает Ивана-царевича и его невесту от смерти.

Таким же – добрым и проявляющим сочувствие к другим людям – изображен Иван-царевич в сказке «Королевич и его дядька» [3, с. 166–170]: он освобождает находящегося в заключении Никанора-богатыря, за что царь наказывает своего сына изгнанием. В дальнейшем царский сын утрачивает свой высокий социальный статус: терпя лишения, он вынужден

стать пастухом и царским поваром, одновременно решая судьбу царской дочери, за которую поочередно сватаются трехглавый, шестиглавый и двенадцатиглавый змеи. Никанор-богатырь с участием Ивана-царевича расправляется с врагами, после чего сказочный герой вновь становится царевичем и женится на царской дочери.

Еще более сложную задачу решает главный герой «Сказки об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке» [3, с. 331–343], который стремится добыть прекрасную королеву Елену, золотогривого коня и жар-птицу. В пути он встречает серого волка, который в дальнейшем становится его верным помощником. Отдыхающего после тяжелых испытаний героя убивают его старшие братья, решившие присвоить себе его победу. Но в результате все заканчивается благополучно: Ивана-царевича с помощью мертвой и живой воды возвращает к жизни серый волк, верхом на котором он возвращается домой и женится на королевно Елене.

3. Иван-царевич, вызывающий сочувственное отношение. Такой – еще более «сниженный» образ Ивана-царевича представлен, как правило, в сказках, в которых на героя оказывают негативное влияние коварные и злобные противники, а сам он оказывается жертвой обмана и интриг. Такие мотивы позволяют условно отнести подобные сказки к числу текстов, отражающих преимущественно «женскую» картину мира, в которую стереотипно «укладывается» образ постоянно плачущего Ивана-царевича, из-за чего степень пассивности главного героя в этих текстах значительно возрастает по сравнению с вышерассмотренными сказочными сюжетами.

В зачине сказки «Ведьма и Солнцева сестра» [3, с. 110–112] немой от рождения Иван-царевич, узнав, что у его матери вскоре родится дочь – страшная ведьма, которая «съест и отца, и мать, и всех подначальных людей», предусмотрительно отправляется «куда глаза глядят». По дороге в неизвестность Иван-царевич встречает своих будущих помощников – старых швей, Вертодуба и Вертогора – и эмоционально реагирует по поводу ситуаций, в которой они оказались: «Иван-царевич заплакал и поехал дальше», «пуще прежнего заплакал царевич и поехал все дальше», «залился Иван-царевич горькими слезами и поехал еще дальше». Оказавшись у Солнцевой сестры, Иван-царевич снова плачет от охвативших его горестных чувств: «Взойдет, бывало, на высокую гору, посмотрит на свой дворец и видит, что все съедено, только стены остались! *Вздохнет и заплачет*» [3, с. 111]. Вернувшись домой, он спасается от родной сестры-ведьмы, которая хочет его съесть, но на стороне героя – его помощники и подаренные Солнцевой сестрой предметы-обереги. В финале сказки Иван-царевич остается жить у Солнцевой сестры.

Таким же «пассивно-подчиненным» представлен Иван-царевич и в сказке «Царевна-лягушка» [4, с. 260–263], сюжет которой вначале разви-

вается по сценарию упомянутого мультфильма. Иван-царевич становится предметом насмешек со стороны окружающих, и от испытываемых переживаний он вновь ведет себя явно не по-мужски – плачет: «Те братья были веселы и радостны, а Иван-царевич призадумался, заплакал: «Как я стану жить с лягушкой? Век жить – не реку перебрести или не поле перейти!» *Поплакал-поплакал*, да нечего делать – взял в жены лягушку». Сомневаясь в способностях лягушки сшить рубашку, «Иван-царевич опять призадумался, плачет»; перед балом, на котором невестки царя должны были танцевать, *«заплакал навзрыд наш Иван-царевич»* [4, с. 260–261]. Отправившись на поиски Елены Прекрасной, Иван-царевич не преодолевает каких-либо преград и тем более не вступает в физическое единоборство с противниками (фактически они отсутствуют), а, находясь в тридесятом царстве, лишь правильно, осмотрительно себя ведет, выполняя предписания известных ему ритуалов: он произносит адресованное стоящим в лесу избушкам нужное заклинание и уважительно разговаривает с их обитательницами – старухами, точно выполняя их советы. В итоге Иван-царевич и Елена Прекрасная на ковре-самолете улетают к себе домой. Показательна при этом роль «ведомого» в финале сказки, где инициатором приобретения волшебного «транспортного средства» становится не сказочный герой, а его жена: «Елена Прекрасная взяла ковер-самолет у старухи, и понеслись они, как птицы полетели» [4, с. 263]. Персонажи, таким образом, словно меняются местами: если на картине В. М. Васнецова ситуация представлена в соответствии с традиционными ролями мужчины и женщины – вооруженный мечом Иван-царевич верхом на Волке увозит из тридесятого царства грустную и испуганную Елену Прекрасную, то в рассмотренном сказочном тексте все происходит «с точностью до наоборот»: находившаяся долгие годы в заточении Елена Прекрасная забирает из тридесятого царства своего мужа и возвращается с ним домой.

4. Иван-царевич – персонаж сказок «для взрослых». Особое место среди сказочных текстов, главным героем которых является Иван-царевич, занимают сказки, в сюжетах которых просматриваются явные любовно-эротические и семейно-брачные мотивы. Такова «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» [3, с. 358–360], в которой Иван-царевич, как и его братья, подвергаются откровенному женскому искушению. Отправленные царем на поиски живой воды и сладких молодежавых яблок, старшие братья Ивана-царевича встречают на своем пути девицу, которая предлагает им лечь рядом с ней на краю постели, а когда они, не задумываясь о последствиях, ложатся на постель, она их сталкивает «неведомо куда».

Иван-царевич избирает другой, связанный с риском для жизни путь и достигает покоев, в которых живет хранительница молодежавых яблок и жи-

вой воды – Белая Лебедь Захарьевна. Убедившись в том, что девушка «крепко спала, на пуховой на постели разметалась», Иван-царевич, воспользовавшись ситуацией, совершает откровенно аморальный поступок: он не только похищает живую воду и молодильные яблоки, но и вступает в связь со спящей девушкой: «Он взял воды, поцеловал девицу и *пошутил с ней негораздо*; потом, набравши моложавых яблоков, поехал назад» [3, с. 359]. По дороге домой Иван-царевич оказывается в доме у девицы, которая пытается его соблазнить (как до этого – его братьев), но он, предложив ей сначала лечь самой, сбросил ее с ложа, и «девица полетела неведомо куда». В финале сказки Белая Лебедь Захарьевна отвергает пришедших к ней старших братьев Ивана Царевича, а в Иване-царевиче признает отца своих детей.

По сходному сценарию развиваются события и в сказке «Иван Запечный» [3, с. 362–364]. Попав в Дивье царство, Иван-царевич (он же – Иван Запечный) добывает для своего отца – царя Ефимьяна – «живую и молодую воду», но перед отъездом, увидев спящую царь-девицу, совершает греховный поступок, суть которого в тексте сказки аллегорически передана через мотив обмена перстнями: «И удумал *сменяться с ней именными перстнями*: ее перстень взял себе, а свой перстень ей отдал» [3, с. 362].

Как бы в оправдание бесчестного поступка героя в сказке показано его благоразумное поведение, заключающееся в его отказе от случайной «легкой связи»: встретившись по дороге домой с ведьмой *Ириной мягкой периной*, которая его «напоила-накормила, на пуховик спать повалила», Иван-царевич решительно расправляется с коварной соблазнительницей: «Царевич ее подхватил под середку и прошиб сквозь пол, и *улетела Ирина мягкая перина в погреб*» [3, с. 363].

Проснувшаяся царь-девица посылает за сбежавшим Иваном-царевичем погоню, но, не настигнув его, сама прибывает в Ефимьянское царство вместе со своими двумя сыновьями, которые «от Ивана-царевича народились», и пишет царю Ефимьяну письмо с категорическим требованием «Поддай виновного человека!» Как и в предыдущем тексте, царь-девица отвергает старших царевичей, а в пришедшем к ней в простой одежде Иване-царевиче, который, направляясь к ней, не без оснований чувствует себя виноватым и готовится к худшему («Видно, моя вина, нужна и моя голова»), узнает отца своих детей, прощает его, выходит за него замуж и уезжает с Иваном-царевичем в Дивье царство.

Приведенный материал, далеко не в полной мере представляющий сказочные сюжеты, главным героем которых является Иван-царевич, убеждает в том, что в народном сознании младший сын царя в значительной мере «очеловечивается», наделяется рядом положительных и негативных качеств, в том числе – способностью к нечестности и обману. «Даже

в волшебных сказках, – отмечал В. Я. Пропп, – идеализированный герой-царевич очень часто добивается своих целей путем обмана» [5, с. 101]. Сказка, однако, в любом случае стремится к показу в характере Ивана-царевича таких простых и понятных качеств, как доброта, сопереживание, непосредственность, самоотверженность, способность к гармоничным отношениям с окружающими.

Библиографические ссылки

1. Татарникова О. Н. Антропоним *Иван* как объект лингвокультурологического анализа волшебных и новеллистических сказок // Мир русского слова. № 4. 2015. С. 38–42.
2. Чернышов А. В. Архетипы древности в русской культурной традиции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия. 2010. № 1. С. 349–356.
3. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В трех томах. Т. 1. Издание подготовили Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М. : Наука, 1984.
4. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В трех томах. Т. 2. Издание подготовили Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М. : Наука, 1985.
5. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М. : Наука, 1976.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА КАК ОСНОВА «МНОГОПОЛЮСНОСТИ» СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. А. Матюнова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kozhevnikova_ant@mail.ru*

В настоящей статье объясняются «многополюсность» современного языкознания множественностью исследовательских задач в рамках лингвистической семантики. Обозначены ключевые направления современного языкознания, становление которых обусловлено необходимостью решения задач по построению и интерпретации текстов естественного языка; по созданию текстов при помощи искусственного интеллекта; по распознаванию текстов при машинном переводе; по установлению семантических связей при составлении поисковых запросов.

Ключевые слова: семантика; ономазиология; семасиология; когнитивная лингвистика; лингвокультурология; компьютерная лингвистика; искусственный интеллект; компьютерная лексикография.

Русское языкознание начала XXI в. – сложная наука с богатой историей и огромным багажом нерешенных проблем особенно в области прикладной лингвистики. В отличие от XIX в., когда главенствовало сравнительно-историческое языкознание, XX в., когда определяющую роль играла структурная, формальная лингвистика, в лингвистике XXI в. нет определяющей лингвистической концепции и единого метода исследова-